

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ)

Юлия Ермолаева, Елена Лощинина

Юлия Ермолаева, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия. mistelfrayard@mail.ru.

Елена Лощинина, независимый специалист, компания «ЭкоДао», Москва, Россия. event@ecodao.ru.

В статье на основе 50 автоинтервью экологических активистов изучены биографические траектории формирования экологической идентичности, когнитивные и контекстуальные триггеры стремления к проэкологическому поведению. В качестве теоретических фреймов мы использовали теории экологической идентичности, подходы к изучению устойчивого поведения, биографический метод. В изученных автобиографиях был выявлен доминирующий компонент – триггер, который был описан как дуальный опыт переживания экологической проблемы в непосредственном взаимодействии с ней (восхищение красотой природы при осознании уровня загрязнения), что привело к личностным и социальным трансформациям. Менее распространенные триггеры – появление детей, образование, стремление к здоровому образу жизни; все они встречались значительно реже, однако также были способны кардинально менять социально-экологические практики респондентов. В качестве основной деятельности при поиске способа выхода из ценностного кризиса информанты выбирали создание нового бизнеса, некоммерческого проекта, вступление в экологические движения, они меняли образ жизни в соответствии с экологическими ценностями и ценностями устойчивого развития. Подтвердилась тенденция, наблюдаемая в западных исследованиях: осознание себя как части природного мира, осознание собственного влияния на окружающую среду проходило несколько этапов, включающих переосмысление позиции в результате личного кризиса, переживания за природу, ощущения необходимости совершить шаги в сторону экологического активизма, новой проектной деятельности, пересмотр бытовых привычек, изменение поведения внутри рабочей деятельности, поиск деятельности внутри сообщества экологических активистов. В данном случае экологическая сознательность и новые экологически-ориентированные установки были главным механизмом трансформации личности на ценностном уровне. Также в биографиях была выражена глобально-локальная идентичность, то есть признание важности глобальных экологических кризисов, осознание важности масштабирования социально-экологических локальных практик в России.

Ключевые слова: субъектно-объектные отношения; социальные трансформации; личностные трансформации; биографический метод; автоинтервью; экосоциология; экологически-ориентированные практики; экологическая идентичность; коллективная идентичность

ВВЕДЕНИЕ

Экологический кризис провоцирует в обществе всплеск мобилизации социальных движений (Гегер и Гегер 2018). Внедрение новых элементов и практик экологической культуры (например: раздельного сбора отходов, практик энергосбережения, экологического просвещения и прочих) предполагает проактивные действия по изменению структуры институтов и сферы гражданского реагирования, а также изменение социально-экологических отношений в самых разных формах.

Все больше исследований посвящено тому, как роль низовых инициатив и экологических деятелей становится более заметна в гражданской мобилизации, направленной на предотвращение экологических катастроф и продвижение экологического образа жизни. Причем это касается инициатив разного масштаба – действующих на региональном, национальном и межнациональном уровнях (Тулаева и Снарский 2023), а также частных коммерческих и некоммерческих проектов и инкубаторов инноваций, цифровых проектов новых влиятельных в этой сфере фигур.

Укрепление экологической идентичности, которая здесь понимается как отождествление себя с природной средой, являющееся частью индивидуальных проэкологических действий, влияет на трансформацию социального и геополитического дискурсов и повестку дня экологической политики (Fielding and Hornsey 2016). Беспокойство современной молодежи по поводу изменения климата отражает общий набор ценностей: поиск справедливости, чувство глобальной ответственности и признание ценности сохранения природы (Логинава и Щепланова 2021; Ross, Rouse, and Mobley 2019).

Человеческий капитал исключительно важен для фундамента социально-экологических изменений и распространения социально-экологических практик. Что заставляет людей работать над этими изменениями? Как выражается их социально-экологическая идентичность? Что является триггером¹ этих изменений, и как происходит трансформация? Какие экологические проблемы наиболее первостепенны и значимы для них? Ответ на эти вопросы предполагает исследование структуры личности (экологическая сознательность, идентичность, ценности) и изучение процессов личностной трансформации к проэкологической активности.

С момента своего появления в начале 2000-х годов концепция экологической идентичности стала центральным элементом в исследованиях, сосредоточенных на лежащих в основе проэкологического поведения психологических процессах (например, Clayton 2012; Pritchard et al. 2020). Важность изучения экологической идентичности была показана в социально-антропологическом исследовании Аруна Агравала, посвященном изучению экологической культуры жителей Кумаона в Гималаях. Здесь была выявлена взаимосвязь между политикой, технологиями и продуцированием новых форм экологических знаний. Более глубокие знания об окружающей среде активизируют местное сообщество и ведут к изменению политики, появлению новых социальных ролей и идентичности, показывают значение

¹ Триггер здесь и далее упоминается в контексте «событие, новость, сведения, важные для начала трансформации экологической идентичности».

децентрализованного экологического регулирования в контексте изменения социально-экологической политики в государстве (Agrawal 2005). В последние годы исследования в области экологической психологии уделяют большое внимание изучению механизмов самоопределения, лежащих в основе проэкологического поведения. Например, металичностная самооценка (то есть степень, в которой люди считают себя взаимозависимыми со всеми живыми существами на Земле), по-видимому, положительно связана с тенденциями к росту озабоченности проблемами сохранения окружающей среды (Arnocky, Stroink, and DeCicco 2007). Исследования также показывают, что межличностные различия, соответствующие чувству идентификации с другими людьми и планетой, положительно связаны с практикой проэкологического поведения (Loy and Reese 2019). Привязанность к месту и идентичность, сопряженная с местом (последнее определяется как ощущение связи личности с местоположением) также связаны с более выраженной склонностью к проэкологическому поведению (Ramkissoon, Smith, and Weiler 2013).

Экологическая идентичность – это конструкция, демонстрирующая, в какой степени люди воспринимают себя частью природы, включенной в нее и определяемой ею. Появилось два различных предметных подхода, использующих этот термин. Биолого-ориентированный подход исследует человека в системообразующих связях: здесь человек понимается как часть природного мира, здесь изучаются физические и психологические реакции, экологические взаимоотношения, когнитивные эффекты. Также развивалась идея о сложившейся эволюционной привязанности человека к природе (Burns 1998). Однако в то же время ученые углубились в изучение природосохраняющего поведения, поскольку обнаружили глубокую взаимосвязь отношения человека к природе и экологическим проблемам с проэкологическим поведением (Schultz 2000), определяемым личной историей, воспитанием, выделив в экологической идентичности несколько уровней (Tam 2013).

Общей чертой психометрических шкал и индексов измерения экологической идентичности является акцент на оценке воспринимаемой силы взаимосвязи между человеком и окружающей средой, которую можно определить как «силу идентичности» (Whitburn, Linklater, and Abrahamse 2020). Результаты, касающиеся изменения экологически-ориентированного поведения в контексте трансформации экологической идентичности, были обобщены в двух аналитических работах (Mackay and Schmitt 2019; Whitburn et al. 2020), которые демонстрировали сильную связь между социально-экологическими практиками разного рода (раздельный сбор отходов, энергосбережение, водопотребление, потребительские практики, экологический активизм и другие) и наличием конструктивной (то есть ориентированной на сохранение природы) экологической идентичности.

Коллективная экологическая идентичность может быть представлена как локальная, национальная или глобальная (Яницкий 2010). Глобальная идентичность, связанная, например, с предотвращением изменения климата, развивается вне рамок гражданского национализма, для нее важны равные глобальные права на чистую окружающую среду. Локальная экологическая идентичность связана с от-

стаиванием интересов определенного края и территории. Более сложна эколого-этническая идентичность, связывающая национализм как с локально-экологической идентичностью, так и с защитой прав и интересов этнического и культурного меньшинства. Эта проблема требует междисциплинарного подхода (Margulies 2021).

Известный исследователь проблем индивидуальной экологической идентичности Митчел Томашоу определял ее как различные способы восприятия себя в окружающей среде, как соответствующую структуре ценностей, отражающую уровень экологической грамотности, связанную с действиями, которые выступают в качестве объекта идентификации (Thomashow 1996). Экологическая сознательность, один из компонентов социальной идентичности, предполагает исследование уровня осведомленности о проблемах окружающей среды. Низкие показатели проэкологического поведения указывают на разрыв между осведомленностью об экологических проблемах и реальной деятельностью по защите окружающей среды (Mikuła, Raczowska, and Utzig 2021).

Как было доказано в исследованиях, посвященных изучению влияния комплекса знаний об экологических проблемах, убеждений и практик, осведомленность сама по себе необязательно приводит к устойчивой мотивации заниматься проэкологическими практиками, поскольку отсутствует прямая связь между знаниями и действиями (Booth 2021). Тем не менее экологическая идентичность стала важной составляющей изучения проэкологического поведения.

Иосиф Ботетзагиас и соавторы выделяют ряд предикторов или факторов экологического поведения:

- 1) экологическая идентичность, установки и ценности;
- 2) «контекстуальные факторы», социальные институты, социально-экологическая политика, экологические кризисы;
- 3) личностные черты, часто соприкасающиеся с характеристиками будущих эоактивистов;
- 4) экологические привычки (практики) (Botetzagias, Jones, and Malesios 2017).

Экологическая культура индивида и компас его моральных ценностей определяются как «этические основания отношения общества и среды, в которой оно живет и которую оно формирует» (Яницкий 2010).

Более сложные схемы с изучением влияния эмоциональных компонентов (чувства вины, радости, разочарования), изучением рациональных и когнитивных основ в принятии проэкологических решений показали большее число сложных корреляций и многоуровневых условий трансформации сознания к более экологичному образу жизни и активизму. Эмоции играют движущую роль в мобилизации проэкологических действий, особенно тех, которые связаны с моралью. Чувство вины и стыда, а также другие эмоции (гнев, печаль, жалость) изучены как важные составляющие в мотивации проэкологического поведения, намерений и реальных действий (Ibanez and Roussel 2021).

Последняя и самая важная ступень экологической идентичности связана с индивидуальными и коллективными действиями. Пол Стерн выделяет четыре типа проэкологического поведения:

- 1) «экоактивизм»: вовлечение в активную гражданскую позицию за отстаивание экологических прав, петиции;
- 2) «неактивистское публичное поведение»: пожертвования, готовность платить повышенные экологические налоги;
- 3) личный экоактивизм: включает в себя бытовые экологически-ориентированные практики;
- 4) поведение в контексте компаний/коллектива: принятие проэкологических решений в контексте своей профессиональной деятельности (Stern 2000).

Концептуальная основа нашего исследования связана с теориями экологической идентичности (Oyserman 2009), согласно которым ключевым условием ее реализации в контексте принятия решения являются условия «активации» посредством воздействия индивидуальных внутренних или внешних факторов. Когда экологическая идентичность ярко выражена, соответствующие ей установки и поведенческие намерения выдвигаются на первый план в сознании человека – такие люди с большей вероятностью будут вести «более экологический» образ жизни. Модели Крейга Байерлейна и Джона Хиппа показывают, что биографические переменные оказывают большее влияние на поведенческие намерения (Beyerlein and Hipp 2006). При этом влияние биографических ситуативных факторов является универсальным и культурно неспецифичным, тогда как влияние мировоззрения или когнитивных детерминантов заложено в культуре, универсально, не зависит от национального контекста. В моделях, объясняющих личное поведение в окружающей среде, обычно отмечают четыре вида детерминантов: мировоззренческие детерминанты, нормативные детерминанты, экзогенные факторы, биографические (ситуационные) факторы.

Детерминанты мировоззрения охватывают ценности, социальные отношения, убеждения, знания; нормативные детерминанты ориентируются на правила и привычки. Эти детерминанты (иногда называемые когнитивными) включены в теорию ценностей – убеждений – норм, разработанную научной группой Пола Стерна и его последователями (De Groot and Steg 2008; Slimak and Dietz 2006; Stern, Dietz, and Guagnano 1995).

Экзогенные (или контекстуальные) факторы (исследованные, например, в Stern 2000) связаны с ситуациями, которые повлияли на проэкологическое поведение, и они независимы от самих людей. На них могут повлиять, например, существующие экологические проблемы, наличие или отсутствие экоинфраструктуры, уровень развития экотехнологий (Spaargaren 1997), социальные ожидания (о факторах социального контекста см. Olli, Grendstad, and Wollebaek 2001), которые создают ограничивающие или благоприятные контексты для того или иного поведения. Биографические (ситуационные) факторы определяют личностные характеристики, такие как пол, возраст, доход, образование, родительство, занятость и семейное положение. Эти факторы следует понимать как предварительные условия, как часть жизненного мира, мировоззрения или нормы поведения, а не как причины, непосредственно влияющие на проэкологическое поведение. Биографические ситуации – столкновение с определенными явлениями или контекстные силы (например отсутствие инфраструктуры, низкая поддержка сообщества) –

могут создавать как стимулы, так и ограничения для экологически-ориентированного поведения. Экоактивизм требует больших усилий с точки зрения вложения социальных и индивидуальных ресурсов: времени, обязательств, финансов. Так, Грегори Гуагнано и коллеги утверждают: когда контекстуальные факторы оказывают сильное воздействие на внутренний мир индивида и его восприятие, они способны дать толчок к новому, более экологически-ориентированному мировоззрению и проэкологическому поведению (Guagnano, Stern, and Dietz 1995).

Основанное на описанной теоретической базе настоящее исследование представляет собой изучение биографий экоактивистов с целью изучить особенности реконструирования экологической идентичности и триггеры, которые способствовали ее становлению.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Мы придерживались теоретической рамки жизненного пути через структурный контекст конструирования и переосмысления профессиональной/активистской идентичности в области экологии и устойчивого развития (Elder, Johnson, and Crosnoe 2003; Heinz 1991). Мы сосредоточились на субъективных переживаниях и изучении контекста индивидов с помощью осмысления информантами собственных нарративов. Мы использовали лейтмотивное интервью – рассказ об определенном аспекте жизненного пути (Троцук 2014), а именно той части его, когда индивиды совершили переход к экологической и активистской деятельности. При этом мы использовали нисходящую стратегию анализа данных по Ансельму Страуссу и Джульет Корбин (2001), включающую оценку перехода через лейтмотивы и поиск характерных повторяющихся паттернов поведения, связку исследования феномена становления экологической идентичности через поиск причин-условий и триггеров трансформации:

- события, которые относятся к личной трансформации;
- анализ социального контекста, который может способствовать изменениям;
- копинг-стратегии преодоления личностного или социального кризиса;
- результаты преодоления кризиса или личностной трансформации.

Экологические нарративы включают экзогенные и личностные факторы, сюжет, тему, персонажей. Процедура кодирования также выполнялась по методике Страусса и Корбин и была разделена на три этапа:

- 1) открытое кодирование с поиском категорий и свойствами;
- 2) осевое кодирование с поиском соотношения между категориями;
- 3) избирательное кодирование с поиском доминирующих категорий в тексте.

Нашей целью было представить биографические пути разных социальных групп, формирующих экосообщество, поэтому мы были ориентированы на исследование активистов некоммерческих организаций (НКО), бизнес-структур, а также структур, представляющих административный аппарат. При этом перед нами не стояла задача выполнять жесткие квоты по полу, возрасту или исключительно пропорционально представить вышеперечисленные социальные группы – фокус нашего исследования иной. Однако важным критерием выбора респондентов

было наличие реализованного проекта, экологической активности. Всего было проанализировано 50 автоинтервью экологических деятелей (15 мужчин и 35 женщин в возрасте от 13 до 50 лет). Большинство респондентов (3/4) относятся к возрастной группе 25–40 лет. Лишь 15 человек имели профильное образование (в области биологии, экологии природопользования, инженерной экологии или устойчивого развития). Другие респонденты пришли к экологической деятельности с разным профессиональным и образовательным бэкграундом, в основном, впрочем, гуманитарным. Более подробно об этом рассказано в разделе об образовательном триггере в описании эмпирической части исследования. Респонденты уже имели опыт коммерциализации проектов или реализации инициатив в НКО, создания информационного продукта или услуги. Подавляющее большинство опрошенных считают своей основной деятельностью экопроекты, что и подразумевалось изначальными критериями отбора.

В процессе исследования выявилось, что множество проектов имели гибридный характер: большинство информантов инициировали проекты в области частного бизнеса и параллельно осуществляли некоммерческие проекты, давали индивидуальные консультации для широкого круга заказчиков.

В исследовании участвовали представители бизнеса: блокчейн-технологии Evercity, семейное экоателье PIVI, «Бюро “Землематика”», Проектный офис развития Арктики, проекты «Чистый север – чистая страна», «Чистые Игры», публично-правовая компания «Российский экологический оператор». арт-проект «Осознанность», проекты «Собиратор», «Экотехнологии», «Сборка», «Центр экономии ресурсов», Sister Mary, EducationEco, «Экосфера», Zerowaste.lab, #НЕМУЗЕЙМУСОРА, Russian Travel Geek, «Экоадвокат», «Экологический Союз». Кроме того, в исследовании приняли участие член совета директоров Всемирной ассоциации экомаркировки (GEN), ведущие YouTube-канала «Сортировочная», интернет-проектов телеканала «Москва 24», проект «Экопад», представители средств массовой информации («С ЭГО на ЭКО», «Пакет не нужен», «ЭкоДао»).

В исследовании приняли участие следующие представители НКО: сотрудники «Зеленого движения Эка», Fridays for Future, проекта @SaveEnvironment_bot, Столыпинского центра развития территорий, библиотеки «Научка», проектов «Огонек добра», «Засучим рукава», MGIMO Goes Green, администраторы телеграм-канала «Без мусора», создатели проекта «Экогиды по России», основатели проектов Sharing Map, «Я убрал», «Мусора больше нет», проектов Союза эковолонтерских организаций, Ecologyia Media, «Центра чистой природы и устойчивого развития 12–15».

Меньшинство представляли специалисты, реализующие экологические инициативы, партнерские экологические проекты в государственных структурах и корпорациях (ОАО «Российские железные дороги», Минэнерго, экологические эксперты в Центре стратегических инициатив, Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», АО «Солнечногорский опытно-экспериментальный механический завод», Научно-исследовательском институте биомедицинской химии имени В. Н. Ореховича, ПАО «СПБ Биржа», Институте социологии Российской академии наук).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Опираясь на описанную теоретическую базу и проанализированный эмпирический материал, мы составили структуру экологической идентичности (см. рис. 1).

Рис. 1. Структура экологической идентичности и ее трансформации в биографиях респондентов

В данной работе мы сфокусированы на исследовании структуры и трансформации экологической идентичности. Так же, как и ряд западных исследователей, мы обнаружили, что в формировании экологической идентичности фигурирует внешний контекст, включающий природный мир, географическо-климатический фон, а также социальные и культурные условия (нормы, социальные институты, экологическая политика региона, изначальные экологические условия), в которых формируется индивидуальный взгляд на мир и экологическое мировоззрение (Beyerlein and Hipp 2006). Экологическое мировоззрение состоит из экологических знаний (осведомленность человека о природном мире в целом и проблемах окружающей среды), ценностей (значимость окружающей среды в жизни человека), убеждений (например, относительно того, какова область своей и чужой ответственности за совершаемые действия по отношению к природе), эмоциональной связи с природой. Экологически-ориентированные действия вносят весомый вклад в сохранение окружающей среды, в свою очередь, они направлены мотивацией, ценностями, установками (Stern 2000).

Дискурс о том, является ли желание человека заботиться об окружающей среде врожденным инстинктом или продиктовано влиянием социальных норм и институтов, остается открытым. Сторонники социобиологической концепции (биофилии) обосновывают инстинктивную заботу о природе тем, что природная сре-

да и ее ресурсы необходимы для выживания, однако у человека присутствуют и «инстинкты заботы» о природе, и инстинкты потребления и накопления ресурсов – как природных, так и материальных, – поскольку они необходимы для преумножения социального благополучия и сохранения здоровья (Eberhard 1976), поэтому взаимодействие с природой проявляется крепкой ценностной и эмоциональной связью (Sierra-Barón et al. 2023). В некоторых автобиографиях указывалось на переход от культуры «одноразовости и перепотребления» к экономии ресурсов, отмечалось, что такой переход необходим как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Однако этот переход, исходя из опыта информантов, продиктован рациональностью в процессе переосмысления жизненной позиции и ценностей, а не врожденным инстинктом.

История гуманитарных экологических катастроф и «трагедия ресурсов общего пользования» (Hardin 1995), риск дефицита природного капитала вызвали необходимость в укреплении экологических институтов контроля за природными ресурсами, регулировании потока загрязнений, создании экологических норм, правил на межнациональном, национальном уровнях и внедрении их на уровне домохозяйств (Fitzpatrick 2011). Чем глубже экологические практики и ценности внедряются в культуру и повседневность, тем сильнее вероятность того, что они станут социальной нормой и будут воспроизводиться.

Комплекс заботы о природе скорее имеет как врожденные, так и приобретенные аспекты, что указывает на сложное взаимодействие данных факторов и подтверждается проанализированными материалами предыдущих исследований. При этом необходимо более глубокое исследование наличия врожденных программ, что не входило в цели настоящей работы. В собранных нами автобиографиях прослеживался ярко выраженный когнитивный и эмоциональный триггер перехода, где затронуты личностные трансформации, поддержка экологической культуры, следование принципам устойчивого развития, которое «еще не окончательно сформировалось в российской практике» (как указал один из наших респондентов – эколог, специалист по устойчивому развитию) и в большей степени ориентировано на продвижение инноваций, поэтому в данном случае мы склоняемся к доминированию личностно-психологических и институциональных основ трансформации социальной идентичности и социально-экологических практик.

Каждый из перечисленных структурных компонентов может являться потенциальным триггером. В рамках нашего исследования мы выделили несколько триггеров (см. рис. 2) – переживание природного опыта, который мы отметили как центральный, за ним следуют осознание необходимости лучшего будущего для детей, здорового образа жизни, формирования новой ниши в экобизнесе/НКО, экологического активизма. Как особый триггер следует отметить экологическое образование – вопреки ожиданиям оно оказывается не на первом месте, однако является необходимым для подтверждения полученных навыков, знаний.

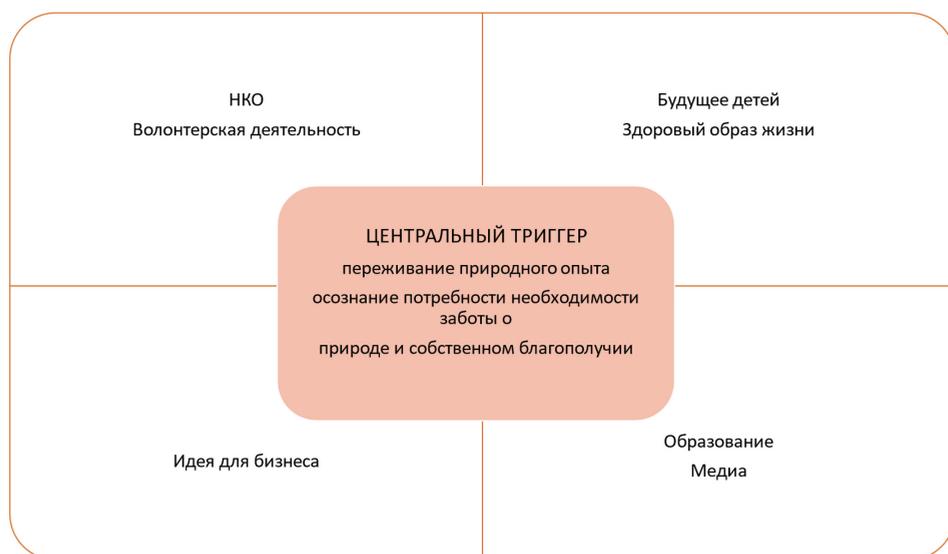

Рис. 2. Схема основных триггеров, ведущих к трансформации экологической идентичности

ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Трансформация экологической идентичности проходит несколько стадий (см. рис. 1), которые мы можем охарактеризовать исходя из полученного материала:

1. Стадия появления эмоционального или когнитивного триггера во внешней среде.

2. Стадия эмоциональных переживаний. Эта стадия может характеризоваться широкой палитрой эмоций, включающей разочарование, чувство вины, тревожности за будущее, страха, в то же время для нее характерно благоговение перед природой, вдохновение, радость, ощущение возможности принести нечто полезное миру; здесь часто возникают эмоциональный и когнитивный диссонансы, которые приводят к пересмотру жизненных норм, ценностей и осознанию себя в контексте природы и в связи со своей функцией в обществе. Ниже в разделе «Переживание природного опыта» мы подробно рассматриваем, как контраст эмоций может повлиять на формирование экологической идентичности.

3. Выход из эмоционального кризиса посредством индивидуальных копинг-стратегий и трансформация экологической идентичности. Мы отмечаем эти процессы как параллельные, поскольку они тесно взаимосвязаны в исследованных автобиографиях. Новые экологические ориентиры приводят к внедрению социально-экологических практик в публичных и частных сферах (Stern 2000), новые транслируемые практики и убеждения ассоциируются с новой экологически ориентированной идентичностью. Ввиду того, что мы изучаем биографии эоактивистов с уже реализованными проектами, именно проекты / экологический активизм / творческая активность и были копинг-стратегиями, реализуемы-

ми в качестве конкретных социально-экологических практик. На наш взгляд, именно результаты проэкологических действий были формой самоинициации как экологического деятеля/активиста/бизнесмена. В транслируемых биографиях не обнаружилось конкретных «ритуалов перехода», кроме полученного образования, официально подтверждающего профессиональные навыки, или участия в экологических акциях/кампаниях, подтверждающих самоотождествление с ценностями и миссией определенной экологической организации. Экологическая идентичность – это новая рутина, которая внедряется в разные сферы жизни постепенно, так же, как и Я-идентификация как экологического деятеля.

Для всех информантов был важен выбор альтернативного образа жизни в качестве центрального фактора, вызывающего жизненные изменения (Oyserman 2009). Среди ключевых элементов, на которые опирается экологическая идентичность информантов, – мотивация желая заботиться об окружающей среде (детерминанта мировоззрения). Оно может быть достигнуто через разные стратегии: создание бизнеса, НКО, проекта, которые а) стремятся нивелировать уже накопленный вред окружающей среде или б) предлагают альтернативные услуги с минимально возможным экологическим воздействием.

В проанализированных историях экологическая идентичность не политизирована, ориентирована на инновации, предпринимательство, созидание и конструирование новых экологических знаний и практик. Большинство инициатив представлены как низовые инициативы grassroots, примкнувшие к локальным или общероссийским социальным и идейным движениям.

Чаще всего информанты идентифицируют себя следующим образом: «общественный и социальный деятель», «экоактивист» и «экоспикер», лидер благотворительной организации или бизнес-проекта, владелец, идеолог проекта, организатор экологических и социальных мероприятий, призер, экологист, автор экоконтента. Самохарактеристика информантов составляется ими самими так, чтобы максимально раскрыть профессиональную или общественную роль, поскольку это важно для профессиональных ожиданий. В социологии рассматривается две точки зрения на идентичность как свойство индивида: 1) идентичность понимается как свойство индивида в изменяющихся социальных ситуациях не терять индивидуальные черты – обозначить уникальность своей работы, позиции; 2) идентичность понимается как личность, сохраняющая общие черты с определенными социальными группами (Барышникова 2009). Экоактивист может быть профессиональным экологом, однако он может получить базис необходимых навыков и знаний и из других источников. Так, в российской среде получило распространение такое определение экологической деятельности как «экологист» – человек, который практически занимается защитой окружающей среды, имеет минимум необходимых знаний, чтобы выполнять работу в направлении устойчивого развития, но не имеет экологического образования. Есть и другие примеры подтверждения своей экоидентичности в приватном образе жизни: «Как себя идентифицировать? В моем доме нет мусорного ведра. Вообще» (Марина Бугрим, автор телеграм-канала «Без мусора»). Призвание не всегда связано с профессией эколога, поскольку охрана окружающей среды предполагает гораздо больше возможностей для применения разнообразных навыков.

Я придумала для себя название и профессию: я – экостейджер, а значит, я запускаю пилоты и принимаю любой исход событий в сфере социальной экологии, отдаю результаты в мир, и они прорастают в рабочие механики. Я отрицаю тот факт, что мы все умрем из-за грядущего экологического апокалипсиса. Но я искренне верю, что своим трудом и своими проектами мы сможем повернуть и бизнес, и экономику, сознание власти и людей в сторону осознанной жизни (руководитель «Немузея мусора»).

Я считаю, что быть экологичным – про уважение к себе и природе – как зеркало. А экологичность может проявляться в разных формах: от осознанного потребления до перевода и распространения материалов о природе. Для меня экология и устойчивость – про партнерство и синергетическое взаимодействие, поэтому я с удовольствием участвую и помогаю многим проектам (АО «СПБ Биржа», специалист по устойчивому развитию).

Идентификация с группой людей (экообществом), придерживающихся схожих ценностей, представлений о мире, оказывает укрепляющее влияние на экологическую идентичность, установки и поведение человека в отношении окружающей среды, это помогает найти единомышленников и масштабирует деятельность: «Мы не стремились стать супергероями, но иногда жизнь идет не по нашему плану» (IT-специалист, эковолонтер).

По мере трансформации экологической идентичности и постепенного перехода на экологически-ориентированный образ жизни меняется система ценностей. В рамках инвайронментальной социологии были разработаны отдельные типологии ценностей, позволяющие работать с изучением экологических деятелей (Vouman et al. 2021). Данная типология, описанная на собранном нами материале, приведена в таблице 1.

Таблица 1. Типы ценностей, встречающихся в нарративах экодеятелей

Биосферические ценности	Альтруистические ценности	Эгоистические ценности	Гедонистические, эстетические ценности
Ценности концепции устойчивого развития – равный доступ к природным благам, защита природы, социальные блага	Ценности соучастия и гражданская активность, общественная значимость, помощь людям	Здоровье и благополучие близких	Наслаждение эстетикой природы
Чистота	Социальный вклад	Прибыль, личная выгода	Удовольствие потребления экологических благ, экопродуктов, услуг
Чувство единства с природой	Сотрудничество и партнерство	Ценность самопрезентации и саморазвития, профессиональный рост	

На формирование экологической идентичности влияют как личные, так и социально-ориентированные ценности, однако доминирование комплекса биосферических и альтруистических ценностей определяет выбор в пользу экологической деятельности. По мере того, как ценности помогают сформировать экологические практики в публичной и частной сферах (Stern 2000), как правило, появляется некая экологическая проблема, с которой респонденты начинают работать целенаправленно. В процессе осознания экологической идентичности укрепляется связь между различными ценностными измерениями – глобальным, социальным и личностно-воплощенным уровнями, которые постепенно интериоризируются в жизненный мир индивида. Экологические ценности и экологическая идентичность становятся настолько важными составляющими повседневности, что появляется необходимость идентификации и презентации себя как носителя экологических ценностей и приверженца экологического образа жизни. Процесс осознания экологической идентичности осуществляется на протяжении всей жизни.

Есть несколько универсальных миссий, связанных с ценностями, о которых говорилось в собранных нами нарративах:

1. Снижение риска для окружающей среды, человека, биоты:

Я понял, что мог бы помогать людям выбирать изначально наиболее экологичное жилье, строительные материалы, товары и обеспечивать безопасность ремонтов, переделывать которые из-за их неэкологичности уже не придется. Эта идея засела у меня в голове, потому что это именно то, что приносит мне удовольствие и при этом соответствует моим знаниям и опыту (специалист по обеспечению санитарно-эпидемиологической безопасности, специалист по сертификации зданий Green Zoom).

Чтобы делать проекты эффективнее я основала лабораторию Zerowaste.lab[, чтобы] отойти от капиталоцентричного проектирования и производства продуктов (директор лаборатории Zerowaste.lab).

2. Снижение социальной напряженности, приверженность идеям социальной и экологической справедливости:

Мне хотелось изменить негативное отношение к экологии и экологам (сотрудник АО «СПБ Биржа», экономаст-наставник).

Мой любимый путь – создание win-win ситуаций, когда клиент получает выгодное предложение на экологичный продукт. Все довольны, и так рождаются долгие партнерства (директор «Солнечногорский Опытно-Экспериментальный Механический завод»).

3. Повышение экологической сознательности, культуры.

Отмечаю, что у нас очень низкий уровень экологических знаний в стране. Поэтому важной частью своей деятельности считаю ведение блога (экоблоггер, организатор экологических зарубежных туров).

Считаю экоосознанность не трендом, не веянием моды, а необходимостью и долгом каждого из нас. Именно поэтому считаю важным продолжать экопросвещение (экоблогер, экоактивист, волонтер).

4. Масштабирование экологической деятельности, социально-экологических практик. В качестве миссии информанты видят продвижение экологических ценностей, идей устойчивого развития, ответственного потребления, циклической экономики. Еще одну цель экоактивисты видят в создании поддержки граждан, сообщества, укреплении социальной активности. Важно, что часто упоминается характер изменений управления в сообществе: от глобального к локальному горизонтальному взаимодействию, win-win стратегиям.

Вместе мы работаем на основе и во имя целей устойчивого развития: для максимального продления срока жизни вещей без потери ценности, снижения потребления, потому что именно осознанность – основное лекарство от сверхпотребления (предприниматель и экотренер, официальный спикер движения «Раздельный сбор», основательница проекта Want Her Dress).

У меня есть мечта дожить до того момента, когда экологичный образ жизни перестанет быть модным и ярко-зеленым, а станет повседневной благородно-серой реальностью. Для этого учу экопривычкам, объясняю преимущества переработки перед другими способами обращения с отходами, рассказываю доступным языком о существующих экологических проблемах и последствиях деятельности людей на окружающую среду (сооснователь «Центр экономики ресурсов»).

Моя цель – это создание сильного сообщества людей, сплоченных единой целью – минимизировать количество отходов, которые едут на мусорные полигоны (основатель проекта #Яубрал).

Мне бы хотелось, чтобы маркировка «Листок жизни» стал[а] такой же важной частью российского общественного сознания (сооснователь сертификации «Листок жизни»).

Это все – мой личный путь, который логичным образом привел к тому, что я помогаю другим людям. Эти чувства влияют на нашу продуктивность во всех делах (руководитель Столыпинского центра развития территорий, руководитель «Бюро “Землематика”»).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТРИГГЕРЫ ПЕРЕХОДОВ

Переход к экологически-ориентированной деятельности на примере информантов мы выявили в разных нарративах. В зависимости от того, что описывается как послужившее триггером к переходу, мы поделили собранные нарративы на группы. Самый яркий и наиболее часто встречающийся многокомпонентный нарратив состоит в переживании взаимодействия с природой. Можно сказать, что этот экогенный детерминант-триггер является первоосновой – активацией для всех остальных детерминант – мировоззренческой, ценностной, поведенческой.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ПРИРОДНОГО ОПЫТА

Известно, что опыт взаимодействия с природой (оно может варьироваться от более близкого и долгого контакта до эпизодического) может заложить биосферные ценности и природоориентированный смысл в жизнь людей (Gross and Lane 2007). В примерах, приведенных зарубежными социально-психологическими исследованиями, любители активного отдыха склонны демонстрировать большую заинтересованность в проблемах окружающей среды. Речь идет о переживании моментов осознания экологических кризисов, которые мотивируют людей защищать природу (Kals, Schumacher, and Montada 1999), о переживании трепета перед мощью и красотой природы, чувства спокойствия и защищенности. Такой же природоориентированный смысл отчетливо прослеживается в нарративах информантов, он закладывает фундамент к экологической деятельности:

Каждый день земля, вода, солнце и воздух выращивают эту траву, наполняют ее силой, как настоящие творцы. И ведь эти процессы происходят каждый день на всей нашей планете. Природа помогает нам жить, работать, развиваться, и мы – тоже часть природы! Это озарение изменило мою жизнь! С тех пор вся моя деятельность посвящена заботе о природе, ее ресурсах, сохранению биоразнообразия и улучшению жизни людей на Земле (соучредитель АНО «Экологичные ресурсы», координатор движений «Раздельный сбор Красногорск» и «Раздельный сбор Нахабино», организатор экологических акций).

Чувствую себя единым целым с Природой и вижу своей целью жизни помочь в ее очищении от загрязнений и выстраивании гармоничной жизнедеятельности. Во многом эти смыслы отображаются в целях устойчивого развития (основатель и руководитель «Центра чистой природы и устойчивого развития 12-15», эконоконсультант).

Зачастую наиболее мощным эффектом обладало одновременное воздействие негативных и позитивных эмоций (Eigner 2001). Переживание опыта, связанного с воздействием природы, не связано с конкретной деятельностью, которую выбрали информанты впоследствии, этот опыт в равной степени мог быть вдохновением для нового бизнеса, некоммерческих проектов, образовательных материалов, для решения получить новое образование и сменить род деятельности, создать просветительский проект или посвятить себя экологическому волонтерству:

Десять лет назад я приобрела участок земли в поселении родовых поместий «Миродолье», и моя жизнь поменялась. Пришло понимание, что радость и удовольствие приходят от общения с живым, в наблюдении, как оно растет, процветает. Я осознала, что хочу, чтобы меня окружали живые системы Зеппа Хольцера, деятеля пермакультуры (пермакультура – подход к проектированию окружающего пространства и система ведения сельского хозяйства, основанные на взаимосвязях из естественных экосистем, без агрессивных химических компонентов). Я вдохновилась его подходом к ландшафтному дизайну и сельскому хозяйству (руководитель Столыпинского центра развития территорий, руководитель «Бюро “Землематика”»).

Степень серьезности, с которой индивид воспринимает экологические проблемы, является важным показателем, коррелирующим с готовностью принять проэкологическое поведение (Stern et al. 1995). В связи с этим особенно хочется отметить влияние эмоциональной составляющей, которую мы отметили в истории информантов, на экологическую идентичность и проэкологическое поведение (Kals and Müller 2012). Некоторые авторы утверждают, что эмоциональные реакции несут важную информацию о ценности объектов или событий в нашем окружении и помогают нам сосредоточиться на наиболее важных аспектах окружающей среды, адаптивно модулируя наши когнитивные системы, влияющие на социальную идентичность и жизненный выбор (Brosch et al. 2013). Таким образом, аффективные процессы и эмоции следует рассматривать не как иррациональные силы (Kotchen and Moore 2008), а как равноправную составляющую процесса принятия решений.

Осознание масштабности и глубины влияния отходов на повседневность и экологию занимает особенное место в качестве мощного фактора перехода на экологичный образ жизни и идей для создания новых проектов.

На заводе по сортировке мусора в Москве увидел я людей, руками выбирающих вторсырье из нашего мусора; горы мусора в три, четыре, пять раз выше моего роста; очереди из мусоровозов, которые везут еще и еще. Казалось, что должно быть как-то по-другому (автор и ведущий YouTube-канала «Сортировочная», интернет-проектов телеканала «Москва 24»).

Настроение омрачилось видом разбросанного везде мусора. Раскисшие пачки сигарет, бутылки, пакеты и прочий всякий хлам вносил жуткий диссонанс в это прекрасное место (руководитель волонтерского экопроекта «Засучим рукава»).

Во время учебы в РАНХиГС [Российской академии народного хозяйства и государственной службы] на курсе «Управление отходами производства и потребления» и в процессе рабочих визитов в ППК РЭО [публично-правовая компания «Российский экологический оператор»] посещал экотехнопарки, мусорные полигоны, которые произвели на меня неизгладимое впечатление (экопродюсер, художник).

Наслаждение красотой природы омрачается негативными эмоциями – возмущением и расстройством при виде загрязнений и отходов в ненадлежащем месте, чувство вины трансформируется в мотивацию компенсировать вред, нанесенный окружающей среде другими, поскольку человек осознает не только чужую ответственность за произошедшее, но и понимает свой вклад в проблему, и следовательно, принимает свою ответственность. Выход из состояния осознания «экологически-личностного кризиса» и восстановление психологического благополучия зависит от вновь найденного смысла в жизни, осознания в себе биосферных ценностей, поиска сферы деятельности, новой идентичности, которая соответствует данному мироощущению (см., например: Morgan and Farsides 2009):

Мне хотелось, чтобы лес, где я люблю проводить время, становился чище, чтобы деревья не срубали. Но эти мысли все же не приводили к каким-то действиям. Я не занимался экологическим активизмом. Проект «Чистые игры» появился после нашего похода с друзьями на озеро Вуокса в Ленинградской области, где была свалка: три метра в длину, в ширину и в глубину. Мы поняли, что никто никогда эту свалку отсюда не вывезет. Я стал думать, как замотивировать людей добровольно приехать и почистить эту территорию. Так и появилась идея «Чистых игр» (сооснователь проекта «Чистые игры»).

Новая экологически-ориентированная идентичность смещает ценностный мир индивида. Пол Стерн и его соавторы (Stern et al. 1995) изучили связь заботы об окружающей среде с ценностями людей. Человек обладает набором эгоцентрических и биосферических (экологически-ориентированных) установок и ценностей, и если последние преобладают, то он с большей степенью вероятности будет следовать социально-экологическим практикам. Ценности интегрированы в вербальные и невербальные символы, модели общения, повседневную жизнь, материальную культуру, социальные институты, определяют и связывают группы, организации и общества, выполняют адаптивную роль. Переосмысление экологического кризиса смещает баланс ценностей в сторону альтруистических мотивов не только потому, что забота о природе необходима, но и потому, что выживание и здоровая окружающая среда невозможны без ее поддержки. В дальнейшем, согласно Стерну, и тому, что мы наблюдали из опыта информантов, появлялись разные формы проэкологического поведения: коллективные формы поведения (экологический активизм, волонтерство), социально-экологические практики в бытовой сфере (потребительский выбор в пользу экопродуктов и услуг, экологичное обращение с отходами, водо- и энергосбережение) и поведение в организациях (поведение, влияющее на организационные решения), создание бизнеса. Несмотря на то, что один из типов поведения становится основным – новым образом жизни, в соответствии с которым выстраивается прочая деятельность, остальные также постепенно заполняют жизненный мир информантов.

Исследования, основанные на теории рационального поведения и теории ценностей – убеждений – норм Стерна, показывают, что желание заботиться об окружающей среде и связанные с ним чувства могут оказывать глубокое влияние на проэкологическое поведение – в той же мере, в какой институциональные ограничения, законы, формальные и неформальные правила (Stern 2000). Систематическая забота об окружающей среде создает устойчивые формы личного поведения. Также в изменении установок на проэкологические сыграли роль несколько когнитивных механизмов, связанных с сокращением психологической дистанции применительно к наблюдаемой проблеме (Carmi and Kimhi 2015), чувством долженствования и ответственности. Новая экологическая проблема фактически кажется более близкой – как непосредственно в физическом смысле, когда человек наблюдает ее воочию, так и в психологическом, когда затрагивает его личность, ее принимают «близко к сердцу».

Менее распространенные триггеры переходов могли сочетаться с главным кризисом переживания природы или оставаться единственным определяющим мотивом перехода к экологически-ориентированному поведению.

ДЕТИ И ИХ БУДУЩЕЕ

Детское влияние можно разделить на экологические инициативы, реализующиеся как со стороны родителей, так и со стороны детей. Появление детей часто заставляет женщин переосмыслить быт, представления о безопасности, искать экологичные альтернативы для ребенка, то есть изменить детерминанты мировоззрения. В данном биографическом детерминанте также проявляются гендерные различия: женщины чаще следуют социально-экологическим практикам в связи с описанными причинами (Zelezny, Poh-Pheng, and Aldrich 2000). Это характерно для тех стран, где женщина чаще, чем мужчина, уходит в декрет, последовательно вовлекается в повседневную деятельность по дому и уходу за детьми и, следовательно, уделяет больше внимания здоровью и гигиене детей (Culley and Angeliqne 2003). Академические исследования все больше подчеркивают значимость и известность как ролевого (матери), так и личностного (гендерно-специфического) факторов экологической идентичности (Stets and Biga 2003) у женщин, которые в поп-культуре называются «экомамы». Новая социальная роль, трансформирующая их биографию, фактически расставляет приоритеты как по отношению к природе, так и по отношению к ребенку. Экологичное родительство строится на инстинкте защиты ребенка, осознанном потреблении, экологичном отношении к природе. В то же время семья как хозяйственная единица представляет собой сложившийся паттерн социально-экологических практик потребления, и для того, чтобы семейный быт был организован и гармоничен, социально-экологические практики также необходимо синхронизировать между разными членами семьи. Таким образом, каждый член семьи с разной скоростью интериоризирует новые социально-экологические практики у более экологически продвинутых субъектов, в зависимости от изначального набора индивидуальных экологических ценностей. Непосредственная близость к субъекту с высокоразвитыми экологическими практиками может ускорить процесс принятия экологических ценностей.

Мой экопуть начался с рождения второго ребенка. Тогда я задала себе вопросы: «Какое будущее ждет наших детей, если уже сейчас мир погряз в мусоре и экологических катастрофах? И что лично я могу сделать, чтобы уменьшить свой мусорный след?» (экоблогер, экоактивист, волонтер экологических проектов).

Интериоризация экологических норм со стороны детей к родителям чаще в случае, когда более взрослые дети получают экологические знания и навыки в школе, формируя свою экологическую идентичность и транслируя важность экологических практик родителям. Информанты упоминают, что дети смогли донести до них необходимость сортировки отходов, поскольку дети самостоятельно собирали и сдавали вторсырье, постепенно вовлекая старших. Такую переориентацию с инициативы детей в некоторых исследованиях называют «экологической обратной социализацией родителей», она определяется как «процесс, в котором роди-

тели усваивают экологические знания, отношения и навыки своих детей» и до сих пор остается малоизученной (Ekström 2006; Gentina and Muratore 2012; Hall 2000). Ориентация на детей вдохновила информантов не только на экологичный быт, но и на ведение познавательных блогов об осознанном/устойчивом/экологичном родительстве.

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Стремление к eco lifestyle, стремление к здоровому образу жизни, ecofriendly lifestyle, антиэйджингу – с помощью этой установки респонденты формируют иную потребительскую стратегию и бытовые практики, которые в конечном счете также направлены на снижение вреда для окружающей среды и экологически-ориентированное поведение (Martinez, Mikkelsen, and Phillips 2021). Несмотря на то, что здоровый образ жизни – понятие собирательное и отличается в зависимости от диетических школ, физической культуры, в симбиотической связи с экологичным образом жизни обычно люди придерживаются нескольких принципов в независимости от предпочитаемой диеты: респонденты голосуют выбором, и вместо обычных продуктов ориентируются на продукты с экомаркировкой, которые проходят тщательную проверку товара на критерии этичности и экологичности.

Меня вдохновила wellness-концепция, а затем экология [. . .]. Большой вклад в этот процесс внесли многолетние практики йоги и цигун (основатель и руководитель «Центра чистой природы и устойчивого развития 12-15», экоконсультант).

Экологически-ориентированное потребление влияет на показатели субъективного благополучия, положительно связано с удовлетворенностью жизнью, поскольку информанты стремились к осознанному потреблению, добровольной простоте, минимализму. Экологические изменения здесь начинаются с мотивационно-ценностного детерминанта, с экологизации домашнего пространства, основаны на ответственном выборе потребления или сокращении потребления, что включает в себя создание образа жизни, уважающего ценности природного мира, активно способствующего сохранению целостности экологической среды. Экологически-ориентированный образ жизни часто ассоциировался с wellness-подходом, в который в свою очередь входит ecofriendly lifestyle, он ориентируется на поиск физической и ментальной гармонии между людьми и природой, гарантирующей, что будущие поколения также могут наслаждаться здоровой планетой: «Осуществляя деятельность, которая укрепляет нашу связь с природой, сохраняя при этом природные ресурсы, мы можем достичь экологического благополучия» (экоактивист).

ИДЕЯ ДЛЯ БИЗНЕСА/НКО

Новая ниша на рынке экологических услуг / устойчивого развития также могла стать источником вдохновения для нового бизнеса. В отличие от чисто консьюмеристских ценностей обычного бизнеса, идея зеленого бизнеса часто сопряжена целям социального предпринимательства и основана на идее возмещения того, чего людям не хватает на рынке услуг.

Я обнаружил, что большая часть квартир и домов являются опасными для здоровья. Ежедневно к нам обращалось множество людей с просьбой провести оценку их жилья на предмет загрязнения воздуха, повышенных шумов, вибрации, радиации, электромагнитных полей и других опасных факторов (специалист по сертификации Green Zone).

Осознала, что уходит много времени на поиск местных экоосознанных локаций (участник проекта «Экогиды по России»).

Планета и животные – это то, что было всегда для меня важно. Достаточно быстро пришла к выводам, что есть много прекрасных идей и разработок, но их не умеют продвигать и монетизировать. Прийти к таким выводам было несложно, так как я из семьи предпринимателей (консультант стартапов в сфере экологии).

Однажды я оказалась на мусоросортировочном комплексе, где было, конечно же, много мусора. . . А еще там было много хороших вещей: одежда, обувь, детские игрушки, даже несдутый футбольный мячик. Меня ужаснул тот факт, что на производство этих вещей тратится огромное количество ресурсов, и потом их просто так выбрасывают для того, чтобы гнить на свалке годами. . . При этом в России более 10% населения живет за чертой бедности, и им эти вещи могли бы еще пригодиться. Так и возникла идея сделать приложение Sharing map (создатель проекта Sharing, ecologia media).

Практики в рамках бизнеса должны быть экономически выгодными и экологически устойчивыми, должны финансово и технически легко интегрироваться в организации, которые имеют собственную уникальность, решают определенную социальную и экологическую задачу. Предприятия все чаще разрабатывают стратегии, объединяющие цели и задачи устойчивого развития, так как это выгодно в долгосрочной перспективе. Создание устойчивых бизнес-стратегий в России связано со все более укрепляющимся гражданским обществом, отчасти благодаря функции совмещения коммерческих и некоммерческих ролей. Малые и средние предприятия и проекты, начинающие с нуля, часто сталкиваются с многочисленными институциональными, законодательными, административными и финансовыми барьерами. В идеале коммерческие проекты стремятся холистически реализовать три классических направления по устойчивому развитию. Экологическое направление касается природоохранной деятельности, которая нивелирует накопленный вред, предотвращает негативное воздействие на окружающую среду. Экономическое направление ориентируется на принципы циклической экономики, партнерства и создания взаимовыгодных цепочек. Социальное направление может быть направлено на внутренние изменения внутри компании, корпоративную экологическую этику, развитие сотрудников, и на внешние – поведение компании вовне (реализация социальных, благотворительных проектов).

Мы до сих пор ищем точку финансовой устойчивости проекта, потому что бизнес в России – уже опасное приключение, а социальный бизнес – это вообще русская рулетка, в которой мы регулярно себя убиваем, но всегда воскресаем вновь (сооснователь проекта «Сдатьвещи.рф»).

Конечно, кризис, это сильно тормозит наш бизнес, но мы никуда не спешим. Намного важнее сейчас, на наш взгляд, оставаться честными и прозрачными, открытыми для международного сотрудничества (основательница Sister Mary, первой компании в России, предоставляющей экологическое сопровождение для съемочных проектов кино и ТВ по принципам устойчивого развития).

С накоплением опыта и экспертизы информанты вырабатывают свои стратегии успеха, которыми делятся на вебинарах, конференциях, в образовательных проектах, соцсетях и личных каналах. Экспертиза строится на личности как бренде, которая совмещает в себе индивидуальность, определенные экологические ценности и составляет доминирующую часть экологической идентичности специалиста. Платформы социальных сетей, включая страницы в «ВКонтакте», сообщества в WhatsApp и (все чаще) каналы в Telegram являются источником масштабирования новых экологических групп. Они используются для сообщения новостей о мероприятиях и достижениях, публикации статистических данных, мобилизации общественной поддержки и повышения осведомленности о целях экологических кампаний. Еще одной отличительной особенностью новой волны экологических движений в России является использование информационных технологий и инструментов данных с открытым исходным кодом, включая картографирование, организованные хакатоны, а также веб-платформы, приложения и другие удобные интерфейсы, которые облегчают более широкую коммуникацию и вовлечение общественности. Несколько экологических групп тесно сотрудничают с экспертами или активистами из технологической отрасли.

Большинство проектов стремятся влиять на дизайн продуктов (и, следовательно, на экологические и социальные последствия в цепочке создания стоимости), за счет чего та ли иная фирма выстраивает свою экономическую и экологическую эффективность. Существуют разные типы устойчивых бизнес-моделей, каждая из которых предлагает разные решения под разные задачи, в соответствии с ними определяют технологические, социальные и организационные типы моделей, каждый из которых может поддерживать различные стратегии устойчивости (Ермолаева, Ермолаева и Башева 2022).

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

В России включение экологических знаний в общую систему образования не является обязательным, остается в большей степени декларативным. Практического и теоретического подхода для формирования экологических установок российская школа не предлагает, а внедрение подобных предметов остается на усмотрение учителей и дирекции. Ввиду того, что экологическая грамотность (оценка уровня знаний о проблемах окружающей среды) не всегда сопоставима с компетенциями (уровнем погружения в социально-экологические практики), именно теоретическая и прикладная части экологического образования могли бы помочь преодолеть этот разрыв. Согласно автобиографиям респондентов, экологическое образование в раннем возрасте дало значительный толчок к изменению образа жизни. Те, у кого погружение в экологическое образование произошло позднее,

прошли через кризис переживания опыта видения природы, экологическое образование служило им инструментом для поиска ответов на появившиеся вопросы.

Образование биоэколога в 2006 году послужило первым шагом на пути к экологическому образу жизни. Синхронизация образа жизни человека с окружающей средой – архиважная задача для полноценной жизни человека (биолог, эколог, дипломированный тренер, научный сотрудник Научно-исследовательского института биомедицинской химии имени В. Н. Ореховича, автор обучающего курса «Здоровый воздух в доме с помощью комнатных растений»).

Науки об окружающем мире всегда были очень важной частью моей жизни (экоактивист, системный аналитик в IT-компании).

Меня привела в экологическую деятельность наука, социальные науки и изучение проблемы отходов (сотрудник Института социологии Российской академии наук).

Большинство информантов изначально не имели профильного образования в области экологии, биологии или устойчивого развития. К экологической деятельности информанты пришли, будучи далеко от нее – работали в IT-сфере, государственном управлении, маркетинге, науке, журналистике, работали по найму в различных сферах продаж и менеджменте. Однако впоследствии часто использовали рабочие навыки для решения задач в области устойчивого развития. Те, кто заканчивал профильные университеты в России по направлению экологии и природопользования, в основном были выпускниками ведущих технологических вузов России (Российского химико-технологического университета имени Д. И. Менделеева, Московского государственного института международных отношений, биологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российского университета дружбы народов). Хабом по обучению и продвижению экспертов в сфере устойчивого развития стал образовательный проект «Зеленый драйвер», ориентированный на неспециалистов. Специалисты в сфере НКО проходили курсы по волонтерству, в этом сыграли важную роль такие проекты, как Karooosta от «Зеленого движения Эка», различные школы волонтера, международные стажировки за рубежом. Социальные предприниматели чаще выбирали Impact Hub и схожие курсы. Немногие закончили программы за рубежом (например, программу ХАМК в 2016–2021 годы в Южно-Восточном Финском университете прикладных наук (South-Eastern Finland University of Applied Sciences); программу Западного Норвежского университета прикладных наук (Western Norway University of Applied Sciences); Университета Южной Дании (University of Southern Denmark)). Международный опыт признается важным: «У нас есть знакомый учитель, который проходил практику в ООН [Организации объединенных наций], что для нас стало толчком к тому, что все реально, все возможно и достижимо» (работчица волонтерского проекта @SaveEnvironment_bot).

В некоторых случаях профильное образование не удовлетворяло информантов:

Геоэкология – в нефтяной сфере экологи не спасают мир, даже штрафы от превышений различных выбросов не идут на восстановительные работы. Можно сказать, что я разочаровалась» (геолог, экоспикер, специалист по устойчивому развитию).

Однако большинство считает экологическое образование образованием будущего:

Я воочию увидела то, каким может и должно быть современное образование, что в основе его лежит критическое мышление, устойчивость, экологичность, многовекторность и, самое главное, его практическая привязка к жизни. Именно это место вдохновило меня и сформировало мою мечту создания нового типа образования (основательница проекта Youth to Youth Initiative).

К экологичному образу жизни я пришла после лекции Беа Джонсон (руководитель бюро «Теперь так»).

ОПЫТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА

Социально-экологические связи формируются через хорошо согласованные действия внутри сообщества. Экоактивизм в большей степени, чем другие формы экологически-ориентированной деятельности, связан с восполнением недостатков, отраженных в дисфункциях официальных институтов природопользования на локальном и федеральном уровнях. Несмотря на то, что внутри опрошенной группы нет радикальных протестных настроений, они позиционируют себя как зеленые активисты, готовые без вступления в деструктивный конфликт продвигать фундаментальные экологические ценности, отстаивать права и вести общественную деятельность (Hasler, White, and Walters 2020). Главное отличие российских экоактивистов и экодеевателей состоит в том, что они в большей степени ориентированы на создание разнообразных сообществ, комбинаций b2b, b2c, связности друг с другом, коллабораций форм активностей (часто бизнес инициирует создание дочерних НКО, и наоборот). Респонденты считают, что после развала СССР экосообществам пришлось заново выстраивать общественные связи и перестраивать функционирование гражданского сообщества, изменяя свой менталитет: «В стране привыкли, что за людей решает государство, и всем в новинку быть ответственными за социальные изменения» (активист движения Fridays for Future).

Старшее поколение активистов ранее примыкали к всемирно известным организациям (ныне в России запрещенным – Всемирному фонду дикой природы (World Wildlife Fund), Greenpeace), движению «Эка», локальным и крупным российским движениям. Представители более молодого поколения расширяют географию, ищут волонтерские опыты за рубежом (например, Программа ООН по окружающей среде (United Nations Environment Programme)), их привлекают различные формы климатического активизма, стажировок в крупных отечественных и зарубежных компаниях. Немалый вклад в создание молодежного экологического движения сделали организации по объединению зеленых вузов России, олимпиады, проект Fridays for Future. По словам респондентов, экологический акти-

визм повышал чувство собственного достоинства – это относилось к разным практикам: уборке территорий, повседневным практикам вроде раздельного сбора мусора, ответственному энергосбережению и энергопотреблению, которые могли бы удовлетворить общественные потребности. Наблюдается петля обратной связи: чем больше информанты включались в экологическую деятельность, тем больше ценности и удовлетворения находили в ней, укрепляя свою идентичность и далее развивая свои экопрактики:

Свой путь в климатическом активизме я начала в 16 лет, вдохновившись примером Греты Тунберг: моя ровесница, 16-летняя школьница, уже выступает в ООН перед всем миром? Значит я тоже так смогу! (участница проектов ClimateScience, Fridays for Future).

Я увидел Fridays For Future и решил присоединиться к этому движению (участник проекта Fridays for Future).

Этот опыт был очень вдохновляющим, словно второе дыхание в моей волонтерской жизни, ведь до WWF [World Wildlife Fund] про климатический активизм в России практически никто не говорил! (активист движения Fridays for Future).

Проанализированная выборка – пример мягкого рационального экологического активизма без деструктивных (Ефременко 2009), алармистских, крайних настроений, нацеленных на диалог с разными участниками.

Тема экологии давно заставляла задуматься о последствиях. Приходя из магазина с кучей пакетов и видя, сколько остается упаковки, сколько стаканов от кофе люди выбрасывают и мусора от фастфуда, представлял, во что это в итоге превращается. Также однажды приехав в Некрасовку [район Москвы рядом с бывшим мусорным полигоном] в гости к друзьям был поражен огромной кучей мусора возле жилых домов (художник, дизайнер, арт-директор, организатор выставочных проектов, экопродюсер, участник проекта «Экософия»).

Отдельного внимания заслуживает масштабирование разных форм активности. В продолжение исследования Полины Ермолаевой, Юлии Ермолаевой и Ольги Башевой (2020) мы выявили, что сторонники экоактивизма играют активную роль не только в офлайн-среде, но и в онлайн-пространстве. У информантов есть экологические «профили» (страницы, аккаунты в социальных сетях), где они продвигают экологический контент, продукты, услуги, здоровый образ жизни, причем важность создания такого контента все возрастает. Дискурс *ecofriendly lifestyle* продвигается через экойнфлюенсеров и экспертов в различных социальных сетях, каналах, являясь пересечением цифрового экологического активизма и отражая личную жизнь информантов, их быт, ценности, что во многом помогает им в продвижении и масштабировании своих проектов. Роль новых экойнфлюенсеров в социальных сетях состоит в продвижении устойчивого образа жизни с использованием собственного опыта и личного нарратива как материала для обучения и способа вовлечения сообщества последователей в экопрактики. В экосообществе они становятся в некотором роде микрорзнаменитостями и презентуют себя и свой образ жизни

как собственный бренд (Senft 2013). Характеристика инфлюенсера включает в себя: 1) применение позитивной самопрезентации; 2) управление своей «видимостью» в цифровых медиа; 3) развитие сообщества подписчиков, стимулирование потребления контента (Leaver, Highfield, and Abidin 2020:106). По мнению некоторых исследователей – экоблогеров (Ardévol and Gómez-Cruz 2014), успех экоинфлюенсеров основан на их прямом, искреннем общении со своей аудиторией. Инфлюенсеры не всегда вовлечены в традиционный активизм и организованные коллективы, но способствуют устойчивому образу жизни на собственном примере. От дискурса социального активизма посыл медийных экоинфлюенсеров отличается тем, что их предложения сформулированы в общих чертах, и, как правило, они в большей степени связывают себя с экопотреблением и устойчивыми брендами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав личный путь информантов, нам удалось 1) зафиксировать влияние внешних факторов на изменение аспектов экологической идентичности, зафиксировать структуру экологической идентичности; 2) сформировать этапы изменения экологической идентичности в рамках исследованных автобиографий; 3) отразить важность эмоционального компонента как триггера трансформации к социально-экологическому образу жизни; 4) выделить ценностные характеристики, в которых ярко прослеживаются биоцентрические и альтруистические мотивы в реализации экологической деятельности. Информанты склонны выделять одну или две доминирующие роли (например: экоактивист, бизнесмен), постепенно глубоко вовлекаясь в другие формы экологической деятельности, которая становится частью их экологической идентичности. Мы считаем, что в дальнейшем следует уделить пристальное внимание переживаниям и нарративам экологических кризисов как одному из ключей к формированию экологической идентичности. Что касается выполнения информантами новых общественных функций, то мы видим, как меняется трансформация экологической активности в обществе: не отменяя локальных целей, активисты стремятся к биоцентрическим и альтруистическим ценностям, глобалистским и универсальным целям устойчивого развития, желаемый масштаб проектов растет, ценностные ориентиры отражают международные интересы, каналы продвижения расширяются, активисты настроены на коммуникацию между разными участниками процесса. Роль экоактивиста как субъекта изменений становится многоаспектной. Наши результаты дополняют уже опубликованные исследования и показывают, что учет значимости индивидуальной экологической идентичности может привести к более точным предсказаниям проэкологического поведения. Будущие исследования природоохранного поведения, основанного на идентичности, могут выиграть от принятия более комплексного взгляда на экологическую идентичность, включающего исследование эмоционального компонента, образа жизни, изучение личной биографии. Вместе с тем следует отметить ряд ограничений исследования. Мы намеренно изучали уже реализовавшихся с точки зрения экологических практик деятелей, поэтому нет понимания, проходят ли и как именно через кризис эколого-

гической идентичности другие. Это может быть стимулом для продолжения исследования других категорий граждан. Мы предоставили свободу изложения в автобиографиях, что позволило нам уловить значимые с точки зрения респондента моменты, но необходимо углубленное изучение других типов триггеров перехода к экологичному образу жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барышникова, Инна. 2009. «Понятие идентичность в социологическом дискурсе». *Вестник Волгоградского государственного университета* 2(10):166–171.
- Гергер, Светлана и Алексей Гергер. 2018. «Факторы экоактивизма в России». *Петербургская социология сегодня* 10:65–77. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.cbap-7544>.
- Ермолаева Полина, Юлия Ермолаева и Ольга Башева. 2020. «Цифровой экологической активизм как новая форма экологического участия населения». *Социологическое обозрение* 19(3):376–408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>.
- Ермолаева, Полина, Юлия Ермолаева и Ольга Башева. 2022. «Социально-экологическая устойчивость российского бизнеса: социологический анализ и ESG-практики». *Управление устойчивым развитием* 3(40):16–27. https://doi.org/10.55421/2499992X_2022_3_16.
- Ефременко, Дмитрий. 2009. «Экосоциальные исследования и анализ эколого-политических дискурсов». С. 357–375 в *Социологический ежегодник*. М.: ГУ-ВШЭ.
- Логинова, Лариса и Вероника Щепланова. 2021. «Феномен экологического активизма в перспективе социологического дискурса». *Logos et Praxis* 20(3):112–122. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.11>.
- Страусс, Ансельм и Джульет Корбин. 2001. *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. М.: Эдиториал УРСС.
- Троцук, Ирина. 2014. *Текстовый анализ в социологии: проблемы и обещания разных типов «чтения» слабоструктурированных данных*. М.: РУДН.
- Тулаева, Светлана и Ярослав Снарский. 2023. «Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах». *Laboratorium: журнал социальных исследований* 14(3):4–33. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33>.
- Яницкий, Олег. 2010. «Экологическое движение как сетевой социально-политический актор». *Политическая наука* 2:109–131.
- Agrawal, Arun. 2005. "Environmentality: Community, Intimate Government, and the Making of Environmental Subjects in Kumaon, India." *Current Anthropology* 46(2):161–190. <https://doi.org/10.1086/427122>.
- Ardevol, Elisenda, and Edgar Gómez-Cruz. 2014. "Digital Ethnography and Media Practices." Pp. 498–518 in *The International Encyclopedia of Media Studies*, vol. 7, edited by Angharad N. Valdivia. Chichester, UK: John Wiley and Sons.
- Arnocky, Steven, Mirella Stroink, and Teresa DeCicco. 2007. "Self-construal Predicts Environmental Concern, Cooperation, and Conservation." *Journal of the Environmental Psychology* 27(4):255–264. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2007.06.005>.
- Beyerlein, Craig, and John R. Hipp. 2006. "A Two-Stage Model for a Two-Stage Process: How Biographical Availability Matters for Social Movement Mobilization." *Mobilization: An International Quarterly* 11(3):299–320.
- Booth, Douglas. 2021. "Post-materialism's Social Class Divide: Experiences and Life Satisfaction." *Journal of Human Values* 27(2):141–160. <https://doi.org/10.1177/0971685820946180>.
- Botetzagias, Iosif, Nikoleta Jones, and Chrysovalantis Malesios. 2017. "Petitioner, Contributor, Protester: The Profile of Europeans Performing Different 'Public-Sphere' Pro-environmental Behaviours." Pp. 162–183 in *Green European: Environmental Behaviour and Attitudes in Europe in a Historical and Cross-Cultural Comparative Perspective*, edited by Audronė Telešienė and Matthias Gross. London: Routledge.

- Bouman, Thijs, Ellen van der Werff, Goda Perlaviciute, and Linda Steg. 2021. "Environmental Values and Identities at the Personal and Group Level." *Current Opinion in Behavioral Sciences* 42:47–53. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2021.02.022>.
- Brosch, Tobias, Klaus Scherer, Didier Grandjean, and David Sander. 2013. "The Impact of Emotion on Perception, Attention, Memory, and Decision-Making." *Swiss Medical Weekly* 143(1920):w13786. <https://doi.org/10.4414/smw.2013.13786>.
- Burns, George W. 1998. *Nature-Guided Therapy: Brief Integrative Strategies for Health and Well-Being*. Philadelphia, PA: Brunner/Mazel.
- Carmi, Nurit, and Shaul Kimhi. 2015. "Further than the Eye Can See: Psychological Distance and Perception of Environmental Threats." *Human and Ecological Risk Assessment: An International Journal* 21(8):2239–2257. <https://doi.org/10.1080/10807039.2015.1046419>.
- Clayton, Susan. 2012. "Environment and Identity." Pp. 164–180 in *The Oxford Handbook of Environmental and Conservation Psychology*, edited by Susan Clayton. Oxford: Oxford University Press.
- Culley, Marci, and Holly Angelique. 2003. "Women's Gendered Experience as Long-Term Three-Mile Island Activists." *Gender and Society* 17(3):445–461.
- De Groot, Judith I. M., and Linda Steg. 2008. "Value Orientations to Explain Beliefs Related to Environmental Significant Behavior: How to Measure Egoistic, Altruistic, and Biospheric Value Orientations." *Environment and Behavior* 40(3):330–354. <https://doi.org/10.1177/0013916506297831>.
- Eberhard, Mary Jane West. 1976. "Born: Sociobiology." *Quarterly Review of Biology* 51(1):89–92.
- Eigner, Swantje. 2001. "The Relationship between 'Protecting the Environment' as a Dominant Life Goal and Subjective Well-Being." Pp. 182–201 in *Life Goals and Well-Being: Towards a Positive Psychology of Human Striving*, edited by Peter Schmuck and Kennon Sheldon. Göttingen, Germany: Hogrefe and Huber.
- Ekström, Karin M. 2006. "Consumer Socialization Revisited." *Research in Consumer Behavior* 10:71–98.
- Elder, Glen H., Monica Kirkpatrick Johnson, and Robert Crosnoe. 2003. "The Emergence and Development of Life Course Theory." Pp. 3–19 in *Handbook of the Life Course*, edited by Jeylan T. Mortimer and Michael J. Shanahan. New York: Springer.
- Fielding, Kelly S., and Matthew J. Hornsey. 2016. "A Social Identity Analysis of Climate Change and Environmental Attitudes and Behaviors: Insights and Opportunities." *Frontiers in Psychology* 7:1–12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00121>.
- Fitzpatrick, Tony, ed. 2011. *Understanding the Environment and Social Policy*. Bristol, UK: Bristol University Press; Policy Press.
- Gentina, Elodie, and Isabella Muratore. 2012. "Environmentalism at Home: The Process of Ecological Resocialization by Teenagers." *Journal of Consumer Behaviour* 11(2):162–169. <https://doi.org/10.1002/cb.373>.
- Gross, Harriet, and Nicola Lane. 2007. "Landscapes of the Lifespan: Exploring Accounts of Own Gardens and Gardening." *Journal of Environmental Psychology* 27(3):225–241.
- Guagnano, Gregory A., Paul C. Stern, and Thomas Dietz. 1995. "Influences on Attitude-Behavior Relationships: A Natural Experiment with Curbside Recycling." *Environment and Behavior* 27(5):699–718.
- Hall, John. 2000. "Understanding Influences of Children on Environmental Purchases in Australia." Paper presentation at the Meeting of ANZMAC Visionary Marketing for the 21st Century: Facing the Challenge, Griffith University, Queensland, Australia, November 28–December 1.
- Hardin, Gareth. 1995. *Living within Limits: Ecology, Economics, and Population Taboos*. New York: Oxford University Press.
- Hasler, Olivia, Rob D. White, and Reece Walters. 2020. "In and against the State: The Dynamics of Environmental Activism." *Critical Criminology* 28(3):517–531. <https://doi.org/10.1007/s10612-019-09432-0>.
- Heinz, Walter. 1991. *The Life Course and Social Change: Comparative Perspectives*. Weinheim, Germany: Deutscher Studien Verlag.

- Ibanez, Lisette, and Sébastien Roussel. 2021. "The Effects of Induced Emotions on Environmental Preferences and Behavior: An Experimental Study." *PLoS ONE* 16(9):e0258045. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258045>.
- Kals, Elisabeth, and Markus Müller. 2012. "Emotions and Environment." Pp. 128–147 in *The Oxford Handbook of Environmental and Conservation Psychology*, edited by Susan D. Clayton. New York: Oxford University Press.
- Kals, Elisabeth, Daniel Schumacher, and Leo Montada. 1999. "Emotional Affinity toward Nature as a Motivational Basis to Protect Nature." *Environment and Behavior* 31(2):178–202.
- Kotchen, Matthew J., and Michael R. Moore. 2008. "Conservation: From Voluntary Restraint to a Voluntary Price Premium." *Environment and Resource Economy* 40:195–215.
- Leaver, Tama, Tim Highfield, and Crystal Abidin. 2020. *Instagram: Visual Social Media Cultures*. Cambridge: Polity.
- Loy, Laura, and Gerhard Reese. 2019. "Hype and Hope? Mind-Body Practice Predicts Pro-environmental Engagement through Global Identity." *Journal of Environmental Psychology* 66(1):101340. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.101340>.
- Mackay, Caroline, and Michael T. Schmitt. 2019. "Do People Who Feel Connected to Nature Do More to Protect It? A Meta-analysis." *Journal of Environmental Psychology* 65:101323. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.101323>.
- Margulies, Morgan. 2021. "Eco-nationalism: A Historical Evaluation of Nationalist Praxes in Environmentalist and Ecologist Movements." *Consilience* 23:22–29. <https://doi.org/10.7916/consilience.vi23.6226>.
- Martinez, Javier, Claudia Andrea Mikkelsen, and Rhonda Phillips, eds. 2021. *Handbook of Quality of Life and Sustainability*. Cham, Switzerland: Springer.
- Mikuła, Aneta, Małgorzata Raczkowska, and Monica Utzig. 2021. "Pro-environmental Behaviour in the European Union Countries." *Energies* 14(18):5689. <https://doi.org/10.3390/en14185689>.
- Morgan, Jessica, and Tom Farsides. 2009. "Measuring Meaning in Life." *Journal of Happiness Studies* 10:197–214.
- Olli, Eero, Gunnar Grendstad, and Dag Wollebaek. 2001. "Correlates of Environmental Behaviors Bringing Back Social Context." *Environment and Behavior* 33(2):181–208.
- Oyserman, Daphna. 2009. "Identity-Based Motivation: Implications for Action-Readiness, Procedural-Readiness, and Consumer Behavior." *Journal of Consumer Psychology* 19(3):250–260.
- Pritchard, Alison, Miles Richardson, David Sheffield, and Kirsten McEwan. 2020. "The Relationship between Nature Connectedness and Eudaimonic Well-Being: A Meta-analysis." *Journal of Happiness Studies* 21(1):1145–1167. <https://doi.org/10.1007/s10902-019-00118-6>.
- Ramkissoon, Haywantee, Liam D. Smith, and Betty Weiler. 2013. "Testing the Dimensionality of Place Attachment and Its Relationships with Place Satisfaction and Pro-environmental Behaviours: A Structural Equation Modelling Approach." *Tourism Management* 36(3):552–566. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2012.09.003>.
- Ross, Ashley D., Stella M. Rouse, and William Mobley. 2019. "Polarization of Climate Change Beliefs: The Role of the Millennial Generation Identity." *Social Science Quarterly* 100(7):2625–2640. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12640>.
- Schultz, Wesley. 2000. "New Environmental Theories: Empathizing with Nature: The Effects of Perspective Taking on Concern for Environmental Issues." *Journal of Social Issues* 56(3):391–406.
- Senft, Theresa. 2013. "Microcelebrity and the Branded Self." Pp. 346–354 in *A Companion to New Media Dynamics*, edited by John Hartley, Jean Burgess, and Alex Bruns. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Sierra-Barón, Willian, Olivos-Jara Pablo, Andrés Gómez-Acosta, and Oscar Navarro. 2023. "Environmental Identity, Connectedness with Nature, and Well-Being as Predictors of Pro-environmental Behavior, and Their Comparison between Inhabitants of Rural and Urban Areas." *Sustainability* 15(5):4525.
- Slimak, Michael W., and Thomas Dietz. 2006. "Personal Values, Beliefs, and Ecological Risk Perception." *Risk Analysis* 26(6):1689–1705.

- Spaargaren, Gert. 1997. *The Ecological Modernization of Production and Consumption*. Wageningen, Netherlands: Wageningen Universiteit.
- Stern, Paul. 2000. "New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior." *Journal of Social Issues* 56(3):407–424.
- Stern, Paul, Thomas Dietz, and Gregory A. Guagnano. 1995. "The New Environmental Paradigm in Social-Psychological Context." *Environment and Behavior* 27(6):723–743.
- Stern, Paul, Linda Kalof, Thomas Dietz, and Gregory A. Guagnano. 1995. "Values, Beliefs, and Pro-environmental Action: Attitude Formation toward Emergent Attitude Objects." *Journal of Applied Social Psychology* 25(18):1611–1636.
- Stets, Jan, and Chris Biga. 2003. "Bringing Identity Theory into Environmental Sociology." *Sociological Theory* 21(4):398–423.
- Tam, Kin-Pon. 2013. "Dispositional Empathy with Nature." *Journal of Environmental Psychology* 35:92–104. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2013.05.004>.
- Thomashow, Mitchell. 1996. *Ecological Identity: Becoming a Reflective Environmentalist*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Whitburn, Julie, Wayne Linklater, and Wokje Abrahamse. 2020. "Meta-analysis of Human Connection to Nature and Pro-environmental Behavior." *Conservation Biology* 34(1):180–193. <https://doi.org/10.1111/cobi.13381>.
- Zelezny, Lynette C., Chua Poh-Pheng, and Christina Aldrich. 2000. "New Ways of Thinking about Environmentalism: Elaborating on Gender Differences in Environmentalism." *Journal of Social Issues* 56(3):443–457.

T RANSFORMATIONS OF ENVIRONMENTALIST IDENTITY (BASED ON INTERVIEWS WITH ECO ACTIVISTS)

Yulia Ermolaeva, Elena Loshchinina

Yulia Ermolaeva, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. mistelfrayard@mail.ru.

Elena Loshchinina, independent specialist, EcoDao, Moscow, Russia. event@ecodao.ru.

The article, based on 50 auto-interviews with environmental activists, examines biographical trajectories of environmental identity formation and cognitive and contextual triggers of the desire for pro-environmental behavior. We use theories of environmental identity, approaches to the study of sustainable behavior, and the biographical method as theoretical frameworks. In the analyzed autobiographies we identified a dominant component—a trigger, which was described as a dual experience of an environmental problem in direct interaction with it (admiration for the beauty of nature with awareness of the present level of pollution), that led to personal and social transformations. Less common triggers—having children, education, the desire for a healthy lifestyle—were encountered much less frequently but were also capable of radically changing the socio-ecological practices of respondents. As the main activity in search of a way out of the crisis of values, informants chose to start a new business or a nonprofit project, join environmental movements, and change their lifestyle in accordance with environmental

values and the values of sustainable development. The trend observed in Western studies was confirmed: Awareness of oneself as part of the natural world and of one's impact on the environment went through several stages, including rethinking of the position in light of a personal crisis, concern for nature, feeling the need to take steps toward environmental activism, engaging in new projects, revising everyday habits, modifying behavior at work, and seeking involvement in environmental activist communities. In this case, environmental awareness was the main mechanism of personality transformation at the level of values. The biographies also manifested a global-local identity, that is, recognition of the importance of global environmental crises and of the importance of scaling up local socio-ecological practices in Russia.

Keywords: Subject-Object Relations; Social Transformations; Personal Transformations; Biographical Method; Autointerview; Environmental Sociology; Environmentally Oriented Practices; Environmentalist Identity; Collective Identity

REFERENCES

- Agrawal, Arun. 2005. "Environmentality: Community, Intimate Government, and the Making of Environmental Subjects in Kumaon, India." *Current Anthropology* 46(2):161–190. <https://doi.org/10.1086/427122>.
- Ardévol, Elisenda, and Edgar Gómez-Cruz. 2014. "Digital Ethnography and Media Practices." Pp. 498–518 in *The International Encyclopedia of Media Studies*, vol. 7, edited by Angharad N. Valdivia. Chichester, UK: John Wiley and Sons.
- Arnocky, Steven, Mirella Stroink, and Teresa DeCicco. 2007. "Self-construal Predicts Environmental Concern, Cooperation, and Conservation." *Journal of the Environmental Psychology* 27(4):255–264. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2007.06.005>.
- Baryshnikova, Inna. 2009. "Poniatie identichnost' v sotsiologicheskom diskurse." *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* 2(10):166–171.
- Beyerlein, Kraig, and John R. Hipp. 2006. "A Two-Stage Model for a Two-Stage Process: How Biographical Availability Matters for Social Movement Mobilization." *Mobilization: An International Quarterly* 11(3):299–320.
- Booth, Douglas. 2021. "Post-materialism's Social Class Divide: Experiences and Life Satisfaction." *Journal of Human Values* 27(2):141–160. <https://doi.org/10.1177/0971685820946180>.
- Botetzagias, Iosif, Nikoleta Jones, and Chrysovalantis Malesios. 2017. "Petitioner, Contributor, Protester: The Profile of Europeans Performing Different 'Public-Sphere' Pro-environmental Behaviours." Pp. 162–183 in *Green European: Environmental Behaviour and Attitudes in Europe in a Historical and Cross-Cultural Comparative Perspective*, edited by Audronė Telešienė and Matthias Gross. London: Routledge.
- Bouman, Thijs, Ellen van der Werff, Goda Perlaviciute, and Linda Steg. 2021. "Environmental Values and Identities at the Personal and Group Level." *Current Opinion in Behavioral Sciences* 42:47–53. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2021.02.022>.
- Brosch, Tobias, Klaus Scherer, Didier Grandjean, and David Sander. 2013. "The Impact of Emotion on Perception, Attention, Memory, and Decision-Making." *Swiss Medical Weekly* 143(1920):w13786. <https://doi.org/10.4414/sm.w.2013.13786>.
- Burns, George W. 1998. *Nature-Guided Therapy: Brief Integrative Strategies for Health and Well-Being*. Philadelphia, PA: Brunner/Mazel.
- Carmi, Nurit, and Shaul Kimhi. 2015. "Further than the Eye Can See: Psychological Distance and Perception of Environmental Threats." *Human and Ecological Risk Assessment: An International Journal* 21(8):2239–2257. <https://doi.org/10.1080/10807039.2015.1046419>.
- Clayton, Susan. 2012. "Environment and Identity." Pp. 164–180 in *The Oxford Handbook of Environmental and Conservation Psychology*, edited by Susan Clayton. Oxford: Oxford University Press.
- Culley, Marci, and Holly Angelique. 2003. "Women's Gendered Experience as Long-Term Three-Mile Island Activists." *Gender and Society* 17(3):445–461.

- De Groot, Judith I. M., and Linda Steg. 2008. "Value Orientations to Explain Beliefs Related to Environmental Significant Behavior: How to Measure Egoistic, Altruistic, and Biospheric Value Orientations." *Environment and Behavior* 40(3):330–354. <https://doi.org/10.1177/0013916506297831>.
- Eberhard, Mary Jane West. 1976. "Born: Sociobiology." *Quarterly Review of Biology* 51(1):89–92.
- Efremenko, Dmitrii. 2009. "Ekosotsial'nye issledovaniia i analiz ekologo-politicheskikh diskursov." Pp. 357–375 in *Sotsiologicheskii ezhegodnik*. Moscow: HSE.
- Eigner, Swantje. 2001. "The Relationship between 'Protecting the Environment' as a Dominant Life Goal and Subjective Well-Being." Pp. 182–201 in *Life Goals and Well-Being: Towards a Positive Psychology of Human Striving*, edited by Peter Schmuck and Kennon Sheldon. Göttingen, Germany: Hogrefe and Huber.
- Ekström, Karin M. 2006. "Consumer Socialization Revisited." *Research in Consumer Behavior* 10:71–98.
- Elder, Glen H., Monica Kirkpatrick Johnson, and Robert Crosnoe. 2003. "The Emergence and Development of Life Course Theory." Pp. 3–19 in *Handbook of the Life Course*, edited by Jeylan T. Mortimer and Michael J. Shanahan. New York: Springer.
- Ermolaeva Polina, Yulia Ermolaeva, and Olga Basheva. 2020. "Tsifrovoi ekologicheskii aktivizm kak novaia forma ekologicheskogo uchastiia naseleniia." *Sotsiologicheskoe obozrenie* 19(3):376–408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>.
- Ermolaeva, Polina, Yulia Ermolaeva, and Olga Basheva. 2022. "Sotsial'no-ekologicheskaiia ustoiichivost' rossiiskogo biznesa: Sotsiologicheskii analiz i ESG-praktiki." *Upravlenie ustoiichivym razvitiem* 3(40):16–26. https://doi.org/10.55421/2499992X_2022_3_16.
- Fielding, Kelly S., and Matthew J. Hornsey. 2016. "A Social Identity Analysis of Climate Change and Environmental Attitudes and Behaviors: Insights and Opportunities." *Frontiers in Psychology* 7:1–12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00121>.
- Fitzpatrick, Tony, ed. 2011. *Understanding the Environment and Social Policy*. Bristol, UK: Bristol University Press; Policy Press.
- Geger, Svetlana, and Alexey Geger. 2018. "Faktory ekoaktivizma v Rossii." *Peterburgskaia sotsiologiya segodnia* 10:65–77. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.cbap-7544>.
- Gentina, Elodie, and Isabella Muratore. 2012. "Environmentalism at Home: The Process of Ecological Resocialization by Teenagers." *Journal of Consumer Behaviour* 11(2):162–169. <https://doi.org/10.1002/cb.373>.
- Gross, Harriet, and Nicola Lane. 2007. "Landscapes of the Lifespan: Exploring Accounts of Own Gardens and Gardening." *Journal of Environmental Psychology* 27(3):225–241.
- Guagnano, Gregory A., Paul C. Stern, and Thomas Dietz. 1995. "Influences on Attitude-Behavior Relationships: A Natural Experiment with Curbside Recycling." *Environment and Behavior* 27(5):699–718.
- Hall, John. 2000. "Understanding Influences of Children on Environmental Purchases in Australia." Paper presentation at the Meeting of ANZMAC Visionary Marketing for the 21st Century: Facing the Challenge, Griffith University, Queensland, Australia, November 28–December 1.
- Hardin, Gareth. 1995. *Living within Limits: Ecology, Economics, and Population Taboos*. New York: Oxford University Press.
- Hasler, Olivia, Rob D. White, and Reece Walters. 2020. "In and against the State: The Dynamics of Environmental Activism." *Critical Criminology* 28(3):517–531. <https://doi.org/10.1007/s10612-019-09432-0>.
- Heinz, Walter. 1991. *The Life Course and Social Change: Comparative Perspectives*. Weinheim, Germany: Deutscher Studien Verlag.
- Ianitskii, Oleg. 2010. "Ekologicheskoe dvizhenie kak setevoi sotsial'no-politicheskii aktor." *Politicheskaiia nauka* 2:109–131.
- Ibanez, Lisette, and Sébastien Roussel. 2021. "The Effects of Induced Emotions on Environmental Preferences and Behavior: An Experimental Study." *PLoS ONE* 16(9):e0258045. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258045>.

- Kals, Elisabeth, and Markus Müller. 2012. "Emotions and Environment." Pp. 128–147 in *The Oxford Handbook of Environmental and Conservation Psychology*, edited by Susan D. Clayton. New York: Oxford University Press.
- Kals, Elisabeth, Daniel Schumacher, and Leo Montada. 1999. "Emotional Affinity toward Nature as a Motivational Basis to Protect Nature." *Environment and Behavior* 31(2):178–202.
- Kotchen, Matthew J., and Michael R. Moore. 2008. "Conservation: From Voluntary Restraint to a Voluntary Price Premium." *Environment and Resource Economy* 40:195–215.
- Leaver, Tama, Tim Highfield, and Crystal Abidin. 2020. *Instagram: Visual Social Media Cultures*. Cambridge: Polity.
- Loginova, Larisa, and Veronika Shcheblanova. 2021. "Fenomen ekološkicheskogo aktivizma v perspektive sotsiološkicheskogo diskursa." *Logos et Praxis* 20(3):112–122. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.11>.
- Loy, Laura, and Gerhard Reese. 2019. "Hype and Hope? Mind-Body Practice Predicts Pro-environmental Engagement through Global Identity." *Journal of Environmental Psychology* 66(1):101340. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.101340>.
- Mackay, Caroline, and Michael T. Schmitt. 2019. "Do People Who Feel Connected to Nature Do More to Protect It? A Meta-analysis." *Journal of Environmental Psychology* 65:101323. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.101323>.
- Margulies, Morgan. 2021. "Eco-nationalism: A Historical Evaluation of Nationalist Praxes in Environmentalist and Ecologist Movements." *Consilience* 23:22–29. <https://doi.org/10.7916/consilience.vi23.6226>.
- Martinez, Javier, Claudia Andrea Mikkelsen, and Rhonda Phillips, eds. 2021. *Handbook of Quality of Life and Sustainability*. Cham, Switzerland: Springer.
- Mikuła, Aneta, Małgorzata Raczkowska, and Monica Utzig. 2021. "Pro-environmental Behaviour in the European Union Countries." *Energies* 14(18):5689. <https://doi.org/10.3390/en14185689>.
- Morgan, Jessica, and Tom Farsides. 2009. "Measuring Meaning in Life." *Journal of Happiness Studies* 10:197–214.
- Olli, Eero, Gunnar Grendstad, and Dag Wollebaek. 2001. "Correlates of Environmental Behaviors Bringing Back Social Context." *Environment and Behavior* 33(2):181–208.
- Oyserman, Daphna. 2009. "Identity-Based Motivation: Implications for Action-Readiness, Procedural-Readiness, and Consumer Behavior." *Journal of Consumer Psychology* 19(3):250–260.
- Pritchard, Alison, Miles Richardson, David Sheffield, and Kirsten McEwan. 2020. "The Relationship between Nature Connectedness and Eudaimonic Well-Being: A Meta-analysis." *Journal of Happiness Studies* 21(1):1145–1167. <https://doi.org/10.1007/s10902-019-00118-6>.
- Ramkissoon, Haywantee, Liam D. Smith, and Betty Weiler. 2013. "Testing the Dimensionality of Place Attachment and Its Relationships with Place Satisfaction and Pro-environmental Behaviours: A Structural Equation Modelling Approach." *Tourism Management* 36(3):552–566. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2012.09.003>.
- Ross, Ashley D., Stella M. Rouse, and William Mobley. 2019. "Polarization of Climate Change Beliefs: The Role of the Millennial Generation Identity." *Social Science Quarterly* 100(7):2625–2640. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12640>.
- Schultz, Wesley. 2000. "New Environmental Theories: Empathizing with Nature: The Effects of Perspective Taking on Concern for Environmental Issues." *Journal of Social Issues* 56(3):391–406.
- Senft, Theresa. 2013. "Microcelebrity and the Branded Self." Pp. 346–354 in *A Companion to New Media Dynamics*, edited by John Hartley, Jean Burgess, and Alex Bruns. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Sierra-Barón, Willian, Olivos-Jara Pablo, Andrés Gómez-Acosta, and Oscar Navarro. 2023. "Environmental Identity, Connectedness with Nature, and Well-Being as Predictors of Pro-environmental Behavior, and Their Comparison between Inhabitants of Rural and Urban Areas." *Sustainability* 15(5):4525.
- Slimak, Michael W., and Thomas Dietz. 2006. "Personal Values, Beliefs, and Ecological Risk Perception." *Risk Analysis* 26(6):1689–1705.

- Spaargaren, Gert. 1997. *The Ecological Modernization of Production and Consumption*. Wageningen, Netherlands: Wageningen Universiteit.
- Stern, Paul. 2000. "New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior." *Journal of Social Issues* 56(3):407–424.
- Stern, Paul, Thomas Dietz, and Gregory A. Guagnano. 1995. "The New Environmental Paradigm in Social-Psychological Context." *Environment and Behavior* 27(6):723–743.
- Stern, Paul, Linda Kalof, Thomas Dietz, and Gregory A. Guagnano. 1995. "Values, Beliefs, and Pro-environmental Action: Attitude Formation toward Emergent Attitude Objects." *Journal of Applied Social Psychology* 25(18):1611–1636.
- Stets, Jan, and Chris Biga. 2003. "Bringing Identity Theory into Environmental Sociology." *Sociological Theory* 21(4):398–423.
- Strauss, Anselm, and Juliette Corbin. 2001. *Osnovy kachestvennogo issledovaniia: Obosnovannaia teoriia, protsedury i tekhniki*. Moscow: Editorial URSS.
- Tam, Kin-Pon. 2013. "Dispositional Empathy with Nature." *Journal of Environmental Psychology* 35:92–104. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2013.05.004>.
- Thomashow, Mitchell. 1996. *Ecological Identity: Becoming a Reflective Environmentalist*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Trotsuk, Irina. 2014. *Tekstovyi analiz v sotsiologii: Problemy i obeshchaniia raznykh tipov "chteniia" slabostrukturirovannykh dannykh*. Moscow: RUDN.
- Tulaeva, Svetlana, and Yaroslav Snarski. 2023. "Green Nationalism in a Resource-Based State: Environmental Agenda and National Identity in Russian Regions." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 14(3):4–33. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33>.
- Whitburn, Julie, Wayne Linklater, and Wokje Abrahamse. 2020. "Meta-analysis of Human Connection to Nature and Pro-environmental Behavior." *Conservation Biology* 34(1):180–193. <https://doi.org/10.1111/cobi.13381>.
- Zelezny, Lynette C., Chua Poh-Pheng, and Christina Aldrich. 2000. "New Ways of Thinking about Environmentalism: Elaborating on Gender Differences in Environmentalism." *Journal of Social Issues* 56(3):443–457.